

ПРИХОДСКАЯ №143

СЕНТЯБРЬ 2020

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

Вспоминаем 30-летие со дня гибели протоиерея Александра Меня, выдающегося служителя нашей Православной Церкви, замечательного богослова и миссионера. – См. «Тема номера»

Люди страдают в этой жизни. Страдали и два разбойника, распятые рядом с Господом. Какой из них похож на нас? Один был полон только злых чувств, и страдание его не было истинным Крестом; а другой что-то понял, что-то у него в душе перевернулось, и он, умирая, сказал такому же умирающему, в котором распознал Божия Избранника: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое» (Лк. 23. 42.) Вот и мы с нашими скорбями должны стараться, чтобы это была не просто тягота, не просто болезнь, не просто огорчение, а Крест, чтобы в этой тяготе мы сказали: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствие Твое».

*Александр Мень,
из проповеди на акафист страстям Христовым*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Обращение к приходу

о. Александр Борисов Единство вокруг пастыря	2
---	---

Тема номера

Владимир Ерохин В канун 9 сентября	5
Юлия Зайцева Памятные мероприятия	7
Татьяна Цветкова Для племени интеллигентов	11
Вспоминает София Рукова	12
Настя Зорина Обнял раз и навсегда	16
Александр Зорин Рукастый философ	18

Приход: жатва и делатели

Дмитрий Минорский Парадоксы свободы (Семинар по наследию владыки Антония)	20
Михаил Завалов Между завистью и славой	22

На вашу книжную полку

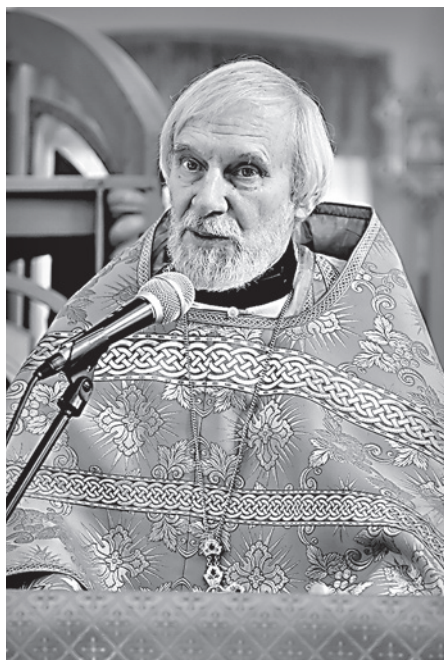
По книге «Сын человеческий»	26
-----------------------------	----

Каждый пишет, что он слышит

Максим Жарницкий Стихи	28
---------------------------	----

Единство вокруг замечательного пастыря

**Протоиерей Александр Борисов,
настоятель**

Дорогие друзья!
С сентября, как вы знаете, начинается новый церковный год. Это старинный, еще ветхозаветный обычай, который восходит ко времени окончания сельскохозяйственных работ, сбора урожая и т.п. Так или иначе, эта традиция сохранилась и в нашем церковном календаре. Поэтому, подобно тому, как предшествующий год заканчивается праздником Успения Пресвятой Богородицы, так новый церковный год начинается празднованием Рождества Пресвятой Богородицы – 8-го сентября по старому стилю, соответственно – 21 сентября по новому стилю. Число 8 тоже неслучайно. 7 – символ завершенности творения (Быт.1-2-я главы). Число 8 – символ нового мира, символ будущего.

В этом году мы вспоминаем 30-летие со дня гибели от рук неизвестных прот. Александра Меня, выдающегося служителя нашей Православной Церкви, замечательного богослова и миссионера.

Прот. Александр Мень первым вышел на широкое миссионерское служение в год тысячелетия Крещения Руси, когда радикально изменилось отношение государства к Православной Церкви и вообще к религии. За два с небольшим года им было прочитано более 300 лекций при неизменно переполненных аудиториях.

Таинственные силы зла, конечно, не могли потерпеть такого яркого миссионерского служения. И 9-го сентября 1990 г. о. Александр, вышедший рано утром из дома, чтобы ехать в свой храм служить воскресную литургию, ударом топора в голову был убит неизвестными.

Община нашего храма была создана многочисленными московскими прихожанами о. Александра Меня, чтобы сохранить то единст-

венника уже выражено в Символе веры, вопрос Ваш вполне законный. Христианство неисчерпаемо. Уже в апостольское время мы находим целую гамму типов Христианства, дополняющих друг друга.

Итак, если выразиться кратко, **для меня вера, которую я исповедую, есть Христианство** как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Я воспринимаю его не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь в грядущее.

— Оно имеет средоточие своей веры во Христе, Им измеряет и оценивает все (*Откр.1, 8*);

— оно знает, что приход на землю Богочеловека не был односто-

Для меня вера, которую я исповедую, есть Христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке

во, которое создалось вокруг замечательного пастыря, иметь возможность продолжать свой жизненный путь со Христом уже не только в Сретенском храме в Новой Деревне, но и в Москве.

Желание моего сердца в этот памятный сентябрь напомнить нам те главные черты христианского мировоззрения о. Александра Меня, которые он, к счастью, кратко изложил как свое кредо в письмах к своей прихожанке и многолетней помощнице Зое Афанасьевне Масленниковой. Думаю, что это будет хорошим напоминанием о замечательном священнике и человеке.

«Вы просите меня изложить мое кредо. Хотя кредо каждого христианина и, разумеется, свя-

ронным божественным актом, а призывом к человеку ответить на любовь Божию (*Откр.3, 20*);

— оно познает присутствие и действие Христа в Церкви, а также в жизни вообще, даже в самых простых, обыденных ее проявлениях (см. притчи Господни, в частности, *Мф.6, 28-29*);

— знает, что достоинство личности, ценность жизни и творчества оправдываются тем, что человек является творением Божиим (*Пс.8*);

— видит в вере не теоретическое убеждение, а доверие к Богу (*Рим. 4, 3*);

— не требует ощутимых знамений (*Мк.8, 11-12*), памятуя о том, что творение – чудо (*Пс.18, 2*);

— оно внимает Слову Божию, которое запечатлено в Писании,

но остерегается буквально толковать каждую строку Библии, особенно Ветхого Завета (*Рим. 7, 6*);

— верит, что один и тот же Бог открывался в обоих Заветах, однако открывался постепенно, в соответствии с уровнем человеческого сознания (*Евр. 1, 1*);

— различает грань, отделяющую Предание (дух веры и учения) от “преданий”, среди которых есть немало фольклорных и переходящих наслоений на религиозной жизни (*Мк. 7, 8; Кол. 2, 8*).

— Оно верит, что Церковь живет и возрастает силой Христовой (*Мф. 16, 18; 28, 20*);

— верит, что Христос являет Себя в таинствах Церкви, в ее освящении мира, в ее учительстве и в делах служения (*1 Кор. 11, 26; Мф. 18, 19-20; Рим. 6, 11; Мф. 18, 18; Лк. 10, 16*), но знает, что ни одна из этих сторон церковной жизни не является самодостаточной, ибо Христос пришел и как Спаситель, и как Целитель, и как Наставник;

на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (*Ин. 3, 8; 2 Кор. 3, 6, 17*). Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы

приверженец старины) не принадлежат только евангельской эпохе, а возрождаются в любое время, под разными обличиями (*Мф. 16, 6*);

— остерегается авторитаризма и патернализма, которые коренят-

Один и тот же Бог открывался в обоих Заветах, однако открывался постепенно, в соответствии с уровнем человеческого сознания

раскрытия и углубления (так, Отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании).

— Оно не боится критически смотреть на прошлое Церкви, следуя примеру учителей Ветхого Завета и Св. Отцов;

— расценивает все бесчеловечные эксцессы христианского прошлого (и настоящего): казни еретиков и т.п. как измену еван-

ся не в духе веры, а в чертах, присущих человеческой падшей природе (*Мф. 20, 25-27; 23, 8-12*);

— исповедует свободу как один из важнейших законов духа (рассматривая при этом грех как форму рабства: *2 Кор. 3, 17; Ин. 8, 32; Рим. 6, 17*).

— Оно верит в возможность стяжания человеком Духа Божия, но чтобы отличить это стяжание от болезненной экзальтации (“преlestи”), судит по “плодам духа” (*Гал. 5, 22*);

— вслед за ап. Павлом смотрит на человеческое тело как на храм Духа (*1 Кор. 6, 19*), хотя и несовершенный в силу падшего состояния природы, признает необходимость попечения о нем (*1 Тим. 5, 23*), если оно не переходит в “культ плоти”;

— в соответствии с соборными решениями смотрит на брак и на монашество как на “равночестные”, если только монашество не принимается под влиянием честолюбия и других греховных мотивов;

— отказывается объяснять зло в человеке только его несовершенством или “пережитками звериной природы”, а верит в реальность метафизического зла (*Ин. 8, 44*).

— Оно переживает разделение христиан как общий грех и нару-

— чтит обрядовые формы благочестия, не забывая ни на мгновение, что они вторичны в сравнении с любовью к Богу и людям (*Мф. 23, 23-24; Мк. 12, 28-31*);

— верит в значение иерархического и канонического принципа в Церкви, видя в них свойство структуры деятельного организма, имеющего практическое призвание на земле (*1 Кор. 11, 27-30*);

— знает, что богослужебные и канонические уставы менялись

Христианство смотрит на человеческое тело как на храм Духа, хотя и несовершенный в силу падшего состояния природы, признает необходимость попечения о нем, если оно не переходит в “культ плоти”

гельскому духу и фактическое отпадение от Церкви (*Лк. 9, 51-56*);

— знает, что противники Христа (беззаконный правитель, властолюбивый архиерей, фанатичный

шение воли Христовой (*Ин. 10, 16*), веря, что в будущем грех этот преодолется, но не на путях превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, а в духе братской

любви, без которой призвание христиан не может быть осуществлено (Мф.5, 23-24);

— открыто всему ценному, что содержится в христианских исповеданиях и нехристианских верованиях (Ин.3,8; 4,23-24);

— не отвергает добра, даже если оно исходит от людей безрелигиозных, но отвергает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрываются именем Христовым (Мф.7, 21; Мк.9,40; Мф.21, 28-31);

— рассматривает все прекрасное, творческое, доброе как принадлежащее Богу, как сокровенное действие благодати Христовой;

— считает, что зараженность той или иной сферы грехом не может служить поводом для ее отвержения. Напротив, борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни.

— Оно “аскетично” не столько тенденцией бегства от мира, сколько духом самоотвержения, борьбой с “рабством плоти”, признанием господства непреходящих ценностей (Мф.16, 24);

— видит возможность реализовать христианское призвание человека во всем: в молитве, труде, созидании, действенном служении и нравственной дисциплине;

— верит в святость человеческой любви, если она соединена с ответственностью, верит в святость семьи и брака (Быт.2,18, 23, 24; Мф.19, 5);

— признает естественной и оправданной любовь к отечеству и отечественной культуре, памятуя, однако, что духовное выше национального (Евр.13,14; Гал.3,28; Кол.3,11).

— Оно ценит национальные облики церквей как конкретные, индивидуальные воплощения человеческого духа и богочеловеческой тайны. Однако это не заслоняет вселенского характера Церкви;

— оно относится к многовековому культурному творчеству Церкви не как к ошибке, а как к реализации даров Божиих.

— Оно не считает разум и науку врагами веры. Просвещенное духом веры знание углубляет наше представление о величии Творца (Пс.103; 3 Цар.4,33; Пс.88, 6);

— отвергает попытки найти в Писании или у Отцов Церкви ес-

тественно-научные сведения, пригодные для всех времен;

— рассматривает научное исследование Библии и церковной истории как важное средство для уяснения смысла Откровения и реальных обстоятельств св. истории;

— открыто ко всем проблемам мира, полагая, что любая из них может быть оценена и осмыслена в свете веры;

Верит в историю как поступательный процесс, который через испытания, катастрофы и борьбу восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию

— утверждает с апостолом, что свидетельство веры в мире есть прежде всего свидетельство служения и действенной любви (1 Кор.13);

— смотрит на общественную жизнь как на одну из сфер приложения евангельских принципов;

— признает гражданский долг человека (Рим.13,1), поскольку он

восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию;

— относится сдержанно к концепции “неудавшейся истории”, то есть к убеждению, что правда Божия потерпела на земле полное поражение (против этого говорит Откр.20, 1-6);

— верит, что когда бы ни наступил последний Суд миру, человек призван трудиться на благо других, созидая царство добра, Град Божий;

— верит, что Суд уже начался с того момента, когда Христос вышел на проповедь (Ин.3,19; 12,31);

— смотрит на посмертное состояние души человека как на временное и несовершенное, которое в грядущем восполнится всеобщим воскресением и преображением (Дан.7,13; Ин.5,28; Рим.8,11; Откр.20,11-15);

не противоречит требованиям веры (Деян.19);

— не объявляет ту или иную систему правления специфически христианской. Ценность системы измеряется тем, что она даст человеку: целесообразностью и гуманностью;

— считает отделение Церкви от государства оптимальной ситуацией для веры и усматривает опасность в самой идее “государственной религии”;

— верит в историю как поступательный процесс, который через испытания, катастрофы и борьбу

— знает, что Царство Божие, которое грядет, уже сегодня может воцариться “внутри нас” (Мк.17,21; 9,27).

Думаю, что в этом Вы не найдете ничего нового, а просто одно из преломлений Христианства изначального, древнего и, по слову Златоуста, “присно (т.е. всегда) обновляющегося”.

Прот. Александр Мень
[сентябрь 1979 г.].

Горький и незабываемый сентябрь... В Москве и в Подмосковье, к местам, где жил, служил, выступал отец Александр Мень, явилось огромное множество людей, благодарных за путь, на который он их вывел...

В канун 9 сентября

Вечер памяти

Нас снова собирает отец Александр Мень. Он любил песенный образ «звезды, что сорвалась и падает», прозревая в нем свою человеческую судьбу. Его жизнь оборвалась три десятилетия назад под топором наемного убийцы. И всякий год начало сентября для нас – ожидание этого скорбного и святого дня, когда наш учитель ушел на Небеса, к Господу, пославшему его в Россию, чтобы спасти тех, кто жаждет Бога и хочет быть Ему верен.

Вот и теперь, вечером в канун 9 сентября, в Большом зале Библиотеки иностранной литературы встретились друзья и ученики протоиерея Александра Менья, чтобы почтить его память. Вел вечер, как все эти 30 лет, прихожанин и друг отца Александра Владимир Ильич Илюшенко.

Погас свет, и на экране ожил пламенный облик Александра Менья – фрагмент его лекции о Евангелии в клубе «Красная Пресня».

Собравшиеся, затаив дыхание, слушали вступительное слово Владимира Илюшенко и рассказ Михаила Менья о своем отце.

Мощным гимном прозвучали стихи и музыка нашей прихожанки Серафимы Этингер: «Поминальная молитва. Посвящается всем безвременно ушедшим с Земли. Гимн Творцу. Аллилуйя». Исполнила это произведение лауреат международных конкурсов Екатерина Фуранова (партия фортепьяно – лауреат международных конкурсов Татьяна Буряшина).

Своими воспоминаниями поделился Сергей Васильевич Ряхов-

ский – глава российских пятидесятников, епископ. Он познакомился с отцом Александром в свои молодые годы в электричке (об этом написано в книге «Цветочки Александра Менья» Юрия Пастернака.)

Отец Виктор Григоренко говорил о продолжении служения Александра Менья в Семхозе близ Сергиева Посада, где не прекращается молитва в двух памятных храмах на тропе, ставшей его Голгофой.

Три этюда Шопена – 1-й, 23-й, 6-й – блистательно исполнил лауреат международных конкурсов Михаил Трушечкин.

Алла Борисовна Кривенко – докторант Вячеслава Всеволодовича Иванова, известного ученого, директора Библиотеки иностранной литературы с 1989 по 1993 гг. – рассказывала о его взаи-

моотношениях с отцом Александром. Иллюстрировала это фрагментом видеофильма об Иванове.

Владимир Илюшенко читал свои стихи.

О важности евангельской проповеди отца Александра Менья говорил наш настоятель протоиерей Александр Борисов.

И снова звучала музыка Шопена: Вальс до диэз минор и Экспромт-фантазия до диэз минор в исполнении Марины Роднянской.

Павел Мень рассказывал о своем брате, о работе над изданием всех его произведений.

Размышлениями об отце Александре поделился Дмитрий Фортунатов.

Владимир Ерохин

Спасение — это ответ человеку поднимающемуся

(Вступительное слово на вечере памяти)

Владимир Илюшенко

Когда я готовил этот вечер, я думал о том, на чем сосредоточиться. Наследие отца Александра необозримо, но он всегда делал акцент на духовном измерении жизни, духовном измерении человека. Наше время чревато многими опасностями, многими тяжелыми последствиями. Об этом предупреждал отец Александр.

3 ноября 1989 г. на международном симпозиуме в Бергамо он сказал: «...Дух человека переживает больший кризис сегодня, нежели его материальное существование. Поэтому, если мы будем искать духовных корней, мы должны сегодня искать нового ренессанса. Уверяю вас, без нового ренессанса человечество способно погибнуть в очень быстрый срок, потому что, овладев силами огромной разрушительности, потеряв нравственную ориентацию, потеряв то, что питало действительно корни культуры, человек пойдет по пути самоубийства.

...Мы, конечно, имеем в себе нечто от зверей, но у нас есть развилка, на которой мы стоим, развилка путей — или мы возвращаемся к звериному состоянию, вооруженные техникой, или мы будем возвращаться к тому, что дано нам изначально — Образ и Подobie Божие».

И далее: «Без духа, без веры, без корневого нравственного религиозного стержня развитие человечества обречено. Таково убеждение мое — не просто догматическое, а результат внимательного наблюдения над тем, что происходит в нашей стране, что происходит в мире, к чему идем сегодня мы».

В другом своем выступлении, на российско-германском симпозиуме в мае 1990 г., отец Александр сказал: «**Человек создан как явление духа во Вселенной, как отображение тайны, которая со-**

здает весь мир. Если мы изменим своему призванию, Бог создаст новое человечество. Надо, чтобы этого не случилось».

Прошло 30 лет с тех пор, как были произнесены эти слова. Что,

Отец не раз напоминал нам слова Христа, которые приведены в Деяниях апостолов: «Блаженнее давать, нежели брать». Он и сам исполнял этот завет в своей жизни. Он говорил: «...Блаженнее — то есть более счастлив тот, кто дает, нежели кто берет.

Таким образом, от создания мира задуман некий хоровод, космический хоровод существ, в котором все связаны между собой. А мы в особенности. И пока еще Царство Божие только как бы прорастает, намечается, мы можем его чуть-чуть осуществлять. Причем, если говорить честно, мы это делаем и для Бога, и в такой же степени для себя. Без этого мы очень быстро впадём в полную меланхолию и пессимизм.

Потому что, если не искать Божие Царство, то остается только

Владимир Илюшенко (справа), о. Александр Мень и Владимир Архипов

положение изменилось к лучшему? Нет, оно изменилось к худшему. Это побуждает нас извлечь уроки из предупреждений отца Александра.

царство князя мира сего. А это царство гниет непрерывно, и в нем только смерть. Оно иногда показывает какие-то фейерверки, но что такое фейерверк? Что-то взле-

тело в небо и тут же с шипением падает обратно в темноту.

Значит, когда мы стремимся открыть в себе доброе отношение к людям, преодолеваем в себе замкнутость, мы идем в том естественном направлении, куда движется мир по замыслу Божию. Это самое главное направление. Мы, по существу, отвечаем себе на самый важный вопрос жизни: что такое счастье и как его достигнуть. На этот вопрос отвечает Евангелие. И этот ответ проверен многими поколениями.

Если вы подумаете и вспомните, то увидите, что мы счастье свое носим в себе».

Я хочу закончить тем, что отец Александр дал лично мне. То есть он мне дал невероятно много, и я об этом писал в своих книгах о нем. А сейчас я хочу сказать об

одном конкретном факте. В сборнике домашних бесед отца «Любить Бога и любить человека» есть беседа «О вере и благодати». Это беседа со мной. Никакой моей особой заслуги здесь нет. Просто мне повезло, что однажды, когда отец был у меня в гостях, по счастью, у меня оказался магнитофон (чужой, своего у меня тогда не было), и я записал его беседу со мной на магнитофон. Потом с него ее распечатали. Я задавал вопросы, и отец отвечал на них. Один из вопросов был о спасении. Вот что сказал отец Александр:

«...Спасение является не актом самовозвышения человека на уровень жизни с Богом, а это есть действие, идущее от Бога, Который отвечает человеку поднимающемуся. Происходит богочеловеческий процесс, ради которого все, собст-

венно, и создано, поэтому это есть подлинная, настоящая, живая жизнь – иначе это жизнь насекомого, жизнь гусеницы, жизнь бессознательного существа, жизнь человека, который вечно гоняется за призраком. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что вера – это совсем не мировоззрение, убеждение, речи, книги, – это совсем иное, и она тождественна уже спасению. И именно поэтому мы говорим, что вера – это дар. Не в том смысле, что мы постигли христианское мировоззрение размышлениями, диалогом с людьми, с самим собой – это совсем другое. А дар Божий – это состояние души, которое делает нас причастными Высшему. А вот это уже – благодать, благо, которое досталось нам даром».

9 сентября: Новая Деревня, Семхоз, экспозиция

В день 30-летия убийства Александра Меня в Сретенском храме в Новой Деревне, где он много лет служил, литургию возглавил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, который хорошо знал погибшего священника, будучи его правящим архиереем. По окончании богослужения митрополит совершил литию на могиле о. Александра, которая расположена у алтаря храма. Вместе с ним молились многочисленные верующие – родственники о. Александра, его духовные чада и люди, узнавшие его по книгам уже после смерти.

В это же время в поселке Семхоз (Сергиев Посад), где жил о. Александр Мень и где он был убит, в храме прп. Сергия Радонежского тоже совершалась литургия в память о нем. Богослужение провел друг и последователь о. Александра Мень – протоиерей Александр Борисов, настоятель московского храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине. В своей проповеди он вспоминал о. Александра как человека очень

смелого: несмотря на гонения верующих, он принял решение стать священником и отдавал пастырскому служению все силы. Слежка и давление не прекращались и после 1988 г., когда церковь получила свободу и о. Александр Мень мог открыто проповедовать. Недаром за несколько дней до гибели он сказал одному из знакомых: «Вы просто не знаете, что во круг меня происходит».

«Мы были свидетелями великого праведника. Постараемся впитать то, что Господь нам преподавал через него... Будем возвращать те семена, которые отец Александр

посеял в каждом из нас», – сказал о. Александр Борисов, выразив надежду, что о. Александр Мень в свое время будет причислен к лику святых.

В середине дня митрополит Ювеналий прибыл в Семхоз и, по традиции, возложил цветы к памятному кресту, установленному на месте, где пролилась кровь священника от руки неизвестного убийцы. Вместе с ним «Вечную память» убиенному пастырю возгласили около двадцати священников разных поколений и множество верующих. Перед началом литии в Сергиевском храме митрополит сказал: «На этом месте был убит наш пастырь Александр Мень. Кто-то, может быть, думал, что со смертью священнослужителей прекращается их миссия на земле. Но мы знаем с древних времен, что семя мучеников становится плодом их будущей деятельности... За эти 30 лет из памяти людей не стерлось имя отца Александра... То, что он писал, выдержало уже много-много изданий, а тиражи его творений на сегодня прибли-

жаются к 9 миллионам. Вот свидетельство того, что праведники во веки живут. И сегодня, когда уже нет препятствий для миссии церкви, его проповедь и его творения широко расходятся в мире...».

После литии митрополит Ювеналий освятил мозаичную икону св. вмц. Екатерины, установленную у Сергиевского храма по инициативе семьи покойной Екатерины Гениевой – духовной дочери о. Александра Меня и прихожанки Сергиевского храма. Обращаясь к митрополиту Ювеналию, супруг Е. Гениевой Юрий Беленький отметил, что, будучи многолетним директором Всероссийской библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ), Гениева «использовала все возможности библиотеки для пастырской и просветительской деятельности отца Александра Меня, который читал там свои замечательные лекции об истории христианства и вел катехизаторские курсы». А после гибели священника директор ВГБИЛ стала инициатором ежегодных международных конфе-

ренций и вечеров памяти, поддерживала Мeneвские чтения в Семхозе, многое делала для публикации и распространения его книг.

Затем была открыта новая экспозиция в Музее памяти протоиерея Александра Меня в приходском доме, куда она была перенесена из небольшого прихрамового помещения и значительно расширена силами Сергиевского прихода, его настоятеля протоиерея

Виктора Григоренко и его семьи. Приглашая митрополита Ювеналия и всех участников памятных мероприятий на новую экспозицию, о. Виктор отметил, что место гибели о. Александра по-прежнему привлекает его почитателей, духовных чад и многих людей из разных уголков земли, «ищущих смысла жизни». Поэтому очевидно на необходимость в создании музея, который выполняет не только просветительские, но и миссионерские задачи.

Все желающие смогли посетить новую экспозицию, включающую фотографии, личные вещи, книги о. Александра, элементы его священнического облачения и церковной утвари. На втором этаже удалось по фотографии воссоздать кабинет о. Александра при храме в самом первом месте его служения (1960–1964) – в подмосковном Алабино. Большинство вещей в этом кабинете – мебель, книги, пишущая машинка, предметы интерьера – подлинные.

10 сентября: круглый стол, проект видео-семинаров

Круглый стол на тему «Духовное наследие протоиерея Александра Меня» состоялся в рамках XV Мeneвских чтений в том месте, где он был убит и где сейчас располагается храмовый комплекс.

Круглый стол – лишь одно из мероприятий в рамках XV Мeneвских чтений. Открылись они еще в январе, когда отмечались 85-летие со дня рождения и 30-летие со дня гибели прот. Александра Меня. Добрая традиция этих международных конференций возникла еще в 2006 г. и продолжается по сей день, отметил, открывая круглый стол, организатор чтений протоиерей Виктор Григоренко, настоятель Сергиевского храма в Семхозе.

Благочинный церковью Сергиево-Посадского округа протоиерей Игорь Завацкий зачитал обращение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия к участникам XV Мeneвских чтений. В тексте, в частности, говорится: «Мне памятли встречи с приснопамятным отцом Александром, который всегда стремился к тому, чтобы использовать все предоставлявшиеся ему возможности для проповеди Слова Божия, для обращения людей к вере. Его живое слово трогало людские сердца, которые открывались для принятия провозвестия Истины. Радуюсь тому, что наступило время религиозной свободы, отец Александр

отдавал себе отчет в том, что путь к познанию Бога сопряжен со многими трудностями и испытаниями. <...> Сегодня мы со всей отчетливостью видим, насколько он был прав и как много еще предстоит сделать для того, чтобы свет Христов просветил всех».

Настоятель московского храма прп. Сергия Радонежского в Крапивниках протоиерей Александр Абрамов рассказал, что услышал об о. Александре Мене еще в «дорелигиозный» период своей жизни, будучи студентом. Первая же прочитанная книга – «Таинство, слово и образ» «поразила» юношу из атеистической семьи настолько, что с нее начался путь в Церковь. По словам о. Александра Абрамова, погибший священник оставил «огромный ключевой урок, подлежащий осмыслению: неважно, свободна Церковь или нет; вопрос в том, находишься ли ты во внутренней свободе и собранности». Одним из проявлений такой свободы могут быть проповеди о. Александра Меня, которые о. Александр Абрамов предлагает своим студентам в Московской духовной академии и в Сретенской семинарии в курсе гомилетики, и студенты охотно выбирают именно эти проповеди из многих других для изучения.

Известный церковный историк священник Илья Соловьев тоже не был лично знаком с о. Александром

Менем, но вспоминал, как в самом конце 80-х случайно оказался в его маленьком подмосковном храме на всенощной. И почувствовал «необычную атмосферу, особое внимание священника к молящимся, единение с ними в молитве, внимательное и чуткое отношение к каждому... Я понял, что прикоснулся к чему-то чрезвычайно важному в нашей церковной истории», – сказал о. Илья. По его словам, травля, которая развернулась после гибели пастыря, побудила его «пристальной присмотреться» к его наследию, и многие шли тем же путем – «от противного»: услышав негативные отзывы, обращались к книгам и проповедям о. Александра и открывали его для себя.

Важны не только его книги. Побывав впервые в Семхозе, на месте гибели священника, о. Илья, встретившись с его духовными чадами, «почувствовал настоящее братство людей, собранных во Имя Христово, а не во имя пастыря».

Прот. Игорь Завацкий третий раз участвует в Мeneвских чтениях. По его словам, с каждым годом он открывает для себя «новые черты глубокой личности о. Александра». «Христоцентричность его личности давала ему внутреннюю свободу <...>, и никакие внешние условия ее не сковывали в советские годы: ни постоянная слежка КГБ, ни маленький храм, ни [скудные] возможности печатной машинки... А сейчас многим священникам не хватает этой внутренней свободы, они очень зависят от мнения других», – отметил о. Игорь.

Вот уже три десятилетия на встречах, посвященных о. Александру Меню, непременно звучит вопрос о том, кто и почему его убил. Расследования, как известно, не дали никакого вразумительного ответа. И на этот раз выступавшим предложили высказать свои версии. Имя убийцы неизвестно, но, по мнению о. Ильи, определенно можно сказать лишь следующее: «Чья бы злая рука это ни совершила, ею двигал враг рода человеческого, независимо от того, какими мотивами руководствовались убийцы. Могу только сказать, что мне очень жаль человека, поднявшего руку на о. Александра». О. Виктор Григоренко сказал: «Все, кто любит и почитает о. Александра, понимают, что "кто убил" – это не самый главный вопрос. <...> Когда был убит священник, можно было подумать, что зло восторжествовало. Но это не так! Его книги, проповеди, все, что происходит в память о нем, все мы – тому свидетельство».

Олег Устинов, философ, исследователь жизни и творчества о. Александра, со всей уверенностью заявил, что в свое время это преступление будет раскрыто. Он уверен также, что настанет день, когда положительно решится вопрос о канонизации о. Александра, к мнению священника, принявшего мученическую кончину, непременно будут обращаться участники Поместного Собора РПЦ, если он состоится. Устинов также отметил, что все больше заинтересованных исследователей обращаются к наследию о. Александра Меня, и выразил надежду, что стройная система богословских и философских взглядов о. Александра будет реконструирована.

По окончании работы круглого стола был презентован проект цикла видео-семинаров «Духовное наследие протоиерея Александра Меня», который инициирован и реализуется приходом Сергиевского храма, при храме ведется большая работа по сохранению памяти об о. Александре. Проект реализуется с использованием средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.

Проект представила Дарья Парсаданова – одна из волонтеров, силами которых он осуществляется. Она сообщила, что планируется записать цикл лекций, семинаров и интервью, направленных на изучение, сохранение и популяризацию духовного наследия о. Александра Меня. Акцент делается не столько на воспоминаниях о пастыре, сколько именно на изучении его наследия, которое еще не было в должной мере осмыслено, но неизменно продолжает быть остро актуальным и востребованным в наши дни.

Проект предусматривает цикл из 32 видеороликов. Несмотря на то, что начало работы над проектом значительно усложнила ситуация с пандемией и связанными с ней ограничениями, волонтерам уже удалось записать и смонтировать четыре ролика. Дарья представила краткие фрагменты из них. Тему пастырства протоиерея Александра Меня раскрывают протоиерей Владимир Архипов – духовный сын о. Александра, клирик храма Сретения Господня в Новой Деревне, в котором двадцать лет служил сам о. Александр, и Андрей Еремин – тоже духовный сын о. Александра Меня и автор книги «Пастырь на рубеже веков», писатель-публицист.

Непростому вопросу спора науки и религии, который так блестяще раскрывал о. Александр Мень, будучи биологом, посвящены интервью друга и крестника о. Александра Меня – протоиерея Александра Борисова – кандидата биологических наук, кандидата богословия, и протоиерея Льва Шихлярова – преподавателя богословия в Российском Православном Институте св. Иоанна Богослова.

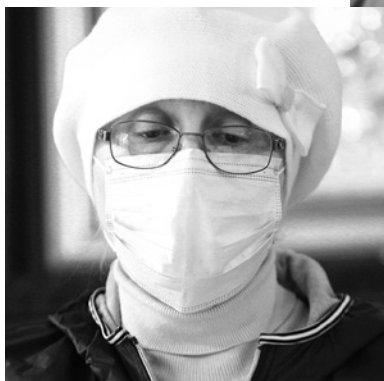
Все созданные видеоролики представлены на канале прихода Сергиевского храма в YouTube. Создатели проекта приглашают к просмотру и наделяются на возможность обсуждения поднятых тем, отметила волонтер.

(Материалы подготовила Юлия Зайцева)

Семхоз, Сергиевский храм, 9 сентября 2020 г. ЛИЦА

(Фото Екатерины Фроловой)

«Миссионер для племени интеллигентов»

Конференция в Иностранке

Международная конференция «Наследие протоиерея Александра Меня и вызовы XXI века» состоялась 10–11 сентября в Библиотеке иностранной литературы. Встреча проходила в онлайн-режиме и была доступна зрителям через трансляцию на портале культура.рф и в Facebook.

С приветственным словом к участникам обратился представитель Патриаршего совета по культуре и советник директора ВГБИЛ Мигель Паласио. Он отметил, что, несмотря на множество работ западного богословия о жизни и учении Иисуса Христа, слово и труды Александра Меня широко известны во многих уголках христианской цивилизации. В частности, сейчас распроданы все экземпляры 300-тысячного тиража книг отца Александра, переведенных на испанский язык. Эти переводы были параллельно изданы в Аргентине и Испании.

Участников конференции также приветствовал сын отца Александра, аудитор Счетной палаты Российской Федерации Михаил Мень. Он отметил, что все запланированные мероприятия, приуроченные к памятной дате, состоялись. Не удалось лишь организовать мусульмано-христианскую встречу. Первое подобное мероприятие в истории современной России было проведено именно о. Александром 30 лет назад. «Самое важное, что тематика этого диалога стала еще более актуальной. В рамках темы «Вызовов XXI века» терпимость и толерантность между людьми с разными убеждениями – один из главных уроков в наследии отца», – сказал Михаил.

Павел Мень, президент Гуманитарного благотворительного фонда имени Александра Меня, напомнив, что уже распространено более 9 миллионов книг священника, сообщил о предложении из Словении издать книги о. Александра Меня. Это будет 15-й язык, на который переводятся «Сын Человеческий» и «Первые апостолы», сообщил брат священника. Кроме того, как одно из важнейших событий он отметил издание восьми томов избранных сочинений отца Александра в издательстве Московской патриархии. Ранее Патриарх Кирилл сказал, что все книги Александра Меня можно продавать без грифов одобрения (при этом 14 из них получили необходимое официальное одобрение).

Павел Мень отметил выход книги Сергея Бычкова, посвященной духовным очагам в Сергиевом Посаде. В ней автор собрал материал, касающийся многих людей того времени, начиная от епископа Афанасия (Сахарова) и заканчивая простыми прихожанами, которые пострадали от гонений, это, например, Мария Витальевна Тепнина.

С видеообращением перед собравшимися выступил архиепископ – митрополит Рижский Збигнев Станкевич. Он рассказал, что заинтересовался хри-

стианством в начале 80-х годов, будучи на тот момент инженером. В основу его христианского мировоззрения легли работы отца Александра, в частности, серия «История религии. В поисках пути, истины и жизни».

Прозвучало видеообращение историка, профессора факультета славистики Парижского университета Нантер, председателя Международного Попечительского совета Библиотеки иностранной литературы, автора книги об отце Александре Ива Амана.

Он рассказал, что познакомился с отцом Александром 50 лет назад. Ив Аман отметил, что в западном христианстве имя отца Александра широко известно. Например, еще 20 лет назад католические французские епископы предложили включить имя священника в список мучеников. Не раз во французских христианских СМИ публиковались материалы об отце Александре как о подвижнике благочестия. «Он нес служение в атеистическом государстве и таким образом предвосхитил вопросы, которые стоят перед христианами в секуляризованном обществе», – пояснил Ив Аман. Он напомнил парадоксальную фразу, которую отец Александр произнес накануне убийства: «Христианство только начинается». Эта мысль куда более продуктивна, чем ностальгия об утраченном христианстве, отметил французский богослов. «Христиане должны найти общий язык с неверующими современниками, – напомнил он слова отца Александра. – Мы должны поставить заново все те вопросы, которые ставит перед нами Евангелие».

С докладом «Протоиерей Александр Мень – «миссионер для племени интеллигентов». Проблемы пастырской практики в СССР в период религиозного возрождения. (1970-е–1980-е гг.)» выступила историк из Базельского университета Барбара Мартин. Она привела высказывание Сергея Аверинцева об отце Александре как «миссионере для племени интеллигентов» в период религиозного возрождения в России в 80-е годы. Аверинцев писал, что пастырь должен не только проповедовать в этом племени, но и любить его

и жить с ним. Это и делал отец Александр Мень, шаг за шагом преодолевая страшную отчужденность людей в России от христианской традиции. Он смог создать в своем приходе условия для привлечения к вере молодых людей, организовывал малые группы по катехизации, что требовало строгой конспирации. Приходилось шифровать общение по телефону.

Кроме того, отец Александр заботился о катехизации детей, хотя это было строго запрещено. Для детей устраивали праздники, делали вертеп, организовывали детские спектакли.

Доцент кафедры богословия и библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия Иван Лупандин выступил с докладом «Александр Мень и его просветительская деятельность в области межконфессиональной толерантности». Он предложил девиз для отца Александра: «Культура рождается из синтеза». Поскольку, отвечая в одном из интервью на вопрос об отношении к национализму, шовинизму, он сказал, что приверженность и к одному, и к другому ставит человека в очень уязвимую позицию, ведь настоящая культура – это синтез. Когда русские националисты замыкаются в себе, то сами себя исключают из культурного процесса.

Призванием протоиерея Александра Меня было вести интеллигенцию через синтез культур, считает докладчик. В качестве примера открытости отца

Александра Иван Лупандин привел дружбу священника с «Малыми сестрами». Он встречался с настоятельницей ордена сестрой Магдаленой в Риме. А сестры, как известно, считали своей миссией дружественные отношения с исламом. «Отец Александр – не просто толерантный человек, он человек толерантности, идеолог толерантности», – заключил докладчик.

Также с докладами выступили проректор Библейско-богословского института св. Апостола Андрея Ирина Языкова («Культура и творчество в жизни и проповеди отца Александра Меня»); ректор Общедоступного православного университета, основанного протоиереем Александром Менем, клирик храма Успения на Успенском вражке прот. Олег Батов («Актуальность университетского спецкурса о. Александра Меня «От рабства к свободе» в 1990 году и спустя 30 лет»); старший преподаватель кафедры биоэтики ЛФ Российского научно-исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова, клирик Крутицкого Патриаршего подворья иеромонах Димитрий (Першин; «Христианский скаутинг: от игры – к Евхаристии»).

Татьяна Цветкова

Ольга Ерохина

Детский Крестный ход и калитка

На фотографии – отец Александр Мень в митре, с крестом, выходящий из храма в окружении детей. Хоругви, иконы – детский Крестный ход в Новой Деревне. 1990 год, детская Пасха. До смерти батюшки – несколько месяцев. *Из уст младенцев и грудных детей ты воздвиг хвалу...*

Этот день я хорошо помню. Впервые решили устроить особый детский праздник, в будний день на светлой седмице. У нас была уже несколько лет маленькая домашняя воскресная школа, руководимая Соней Руковой. Дети заранее готовились петь эту литургию.

И вот – наш праздник в нашем храме. Но что это? Детей толкают, шпыняют, на них грозно шикают – старушки, привыкшие смотреть на ребенка как на возможный источник беспокойства и баловства в храме. А тут еще понаехали в таком небывалом количестве... Впрочем, некоторые бабушки наших детей защищают, ограждают – но Ася, вижу ее на клиросе, уже катит слезы – хотя мужественно продолжает петь...

Дети рассказывали мне потом, как во время Крестного хода (я-то была на колокольне) какая-то бабушка даже пыталась задуть у них свечи («Еще подожгите тут!»), – да по ошибке задула свечку у другой старушки, вышла у них распря...

Возвращаемся на клирос – я сверху, дети со двора после Крестного хода. Спасибо бабе Нюре – крепко держала моих девочек за руки... Отец Александр, выйдя к нам на клирос из боковой двери алтаря, видит меня, подзывает, протягивает мне ключ. «Слушай... в кабинете у меня, справа от двери, в пиджаке, – в боковом кармане возьми деньги – все что

есть, сбегай в магазин, купи сладостей – на всю компанию... Можешь быстро, пока крест буду давать?» – бегу и возвращаюсь с двумя огромными кулками новодеревенских «Коровок». Народ – и детский, и взрослый – уже во дворе. Отец, меня завидев, – отлично, спасибо, – теперь с кем-нибудь... – вот с Юлей, Юля, можете помочь раздать конфеты... Помню, была уже тогда трава, и было – несмотря на все огорчения – совершенно счастливое состояние и возвращение в Москву.

Антон Архиреев, которому тогда было 9 лет, изобразил этот первый детский Крестный ход в Новой Деревне спустя четыре месяца, уже после того, как

отца Александра убили. Один из тех ребят, которые в сентябре 90-го были с нами у калитки в Семхозе. Не помню – он или кто-то другой из детей – предложил тогда собрать камушки и песок с кровью отца Александра, и мы собирали песок и обгаренные кро-

вью листья и камни. Поэтому на его рисунке – отец Александр среди церковного двора, живой, – и одновременно именно там, где он похоронен, слева от алтарной части храма, – его могила. Антон изобразил деревянный крест. Он стоял несколько первых лет, до того как его заменили каменным...

Вспоминает София Рыкова

В морозный день

ее станции (главное, чтобы девочка не была одна в поезде).

Поехали. Девочку я благополучно высадила на ее станции, добралась до Семхоза и пошла к дому отца. Мороз трескучий, совсем темно. Светится окошко на втором этаже из кабинета отца.

Нажимаю у калитки кнопку звонка в дом. Безнадежно – все примерзло. Рядом вертится Бой – умная дворняга, пригретый отцом пес. Я прошу его полаять – бесполезно: он меня знает. Пытаюсь барабанить в калитку – звук пропадает в морозном воздухе. Кричу «Отец Александр!» – тот же эффект. Появляется Джерри, умоляю: «Ну, пожалуйста! Позови отца Александра! – я замерзаю...».

Джерри долго думает, словно прикидывает, стоит ли беспокоить хозяина. Наконец, бежит к дому и поднимает лай, чем невероятно умиляет меня. Пока я приговариваю «еще...еще... погромче!», неожиданно появляется отец. Он меня не видит, и я кричу что есть мочи «Отец Александр!»...

В кухне поит меня чаем и говорит, что в такой мороз все в доме так плотно закрыто, что не слышно ни звука, и он просто вышел вынести помойное ведро.

А потом провожает меня на электричку. Утром мы снова встречаемся, как всегда, перед службой.

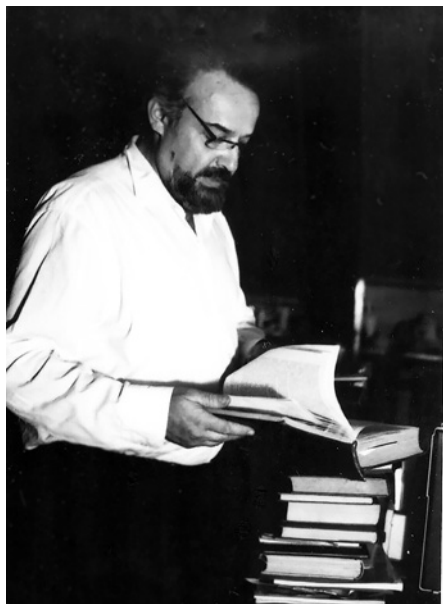
Очень часто вспоминаю тот вечер. Наверное, год 1982-й – 83-й...

...Суровая зима. 25-градусный мороз. Неожиданно настоятель о. Стефан просит после всенощной (кончается около 18-ти часов) съездить к о.А. – предупредить его, чтобы завтра служил Литургию, а потому должен соответственно подготовиться. Заодно проводить дочку о.Стефана в электричке до

«Соучастнику»

О работе над иллюстрациями к словарю

У меня дома хранится машинописная копия одного из томов Библиологического словаря, созданного о. Александром, с его дарственной надписью, очень короткой: «Соучастнику». Вручая мне после службы этот неожиданный подарок, отец сказал: «Я сознательно не писал ваше имя, из соображений... — он показал взглядом на потолок (где-то там находилось подслушивающее устройство). — Но когда-нибудь мы все откроем».

Так вот, о работе отца Александра и моем «соучастии».

В самом начале 80-х он обратился ко мне с вопросом:

— Я задумал написать большой словарь по библиологии. Как, по-вашему, сколько мне потребуется времени?

К тому времени я уже около 15 лет работала старшим научным редактором в издательстве «Советская энциклопедия» и хорошо представляла всю сложность задуманного отцом предприятия. Поэтому вопрос меня не удивил.

— Во сколько томов вы хотите уложить его? — спросила я. Разумеется, имелся в виду машинописный текст.

— В три, — ответил он.

Зная уже неумную трудоспособность отца, я возразила:

— Значит, не менее пяти. А сколько человек будет писать? Один вы?

— Да.

Я прикинула вслух:

— Мы уже около 15 лет работаем над 5-томной математической энциклопедией. 5 человек, куча авторов да всевозможные редакции — иллюстраций, библиографии и прочее. И нам еще понадобится лет пять (позднее это подтвердилось). Значит, вам потребуется не менее 10 лет.

— Не годится. Мне надо быстрее.

— Но отец! А словник? Это же тоже немалое время.

— Уже составляется ...

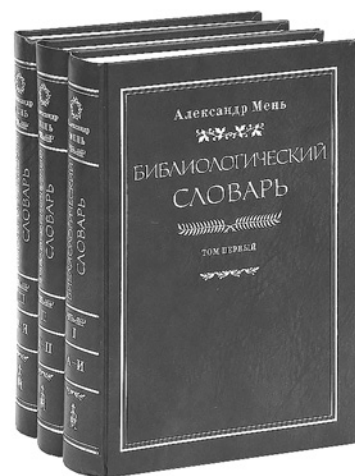
— Ну, тогда ... у меня нет слов.

Этот диалог я воспроизвела почти дословно — слишком часто я вспоминала его, наблюдая за работой отца.

А вот каким образом он подключил меня — не помню. Зная, что почти сразу — с первых букв. Потому что на протяжении более 5 лет мой суточный режим все чаще становился непрерывной сменой деятельности: утром — на службу в Новую Деревню (если она была в этот день; 2 часа дороги в один конец), где я служила регентом и уставщиком, потом — на работу (редактирование сложных математических статей), по окончании рабочего дня домой — готовить ужин, разводить реактивы, вешать на окно черную штору, превращать одну комнату в фотомастерскую, переснимать полученный от отца иллюстративный материал, пообщаться попутно с мужем и сыном. И только около 12 часов ночи я забираюсь в комнату и начинала печатать снимки, проявлять новые пленки. Чтобы не уснуть, пила 0,5 литра крутого черного чая, заваренного кипящим молоком.

Иногда, после одного-двух часов сна — снова в Новую Деревню, в лучшем случае на работу. Суббота и воскресенье полностью были заняты в Новой Деревне: смены у меня не было.

Пересъемка материала осуществлялась самыми кустарными

средствами: фотоаппарат «Зенит» со съёмным объективом (около 1 кг весом), набор колец к нему (для съёмки очень маленьких фото или иллюстраций), лампа в 500 ватт с держателем, который можно прикрепить к столу, стулу или полке. Все снимки на выдержке в 1/30 сек. Для печати — огромный увеличитель «Крокус», который мне приобрели по просьбе отца.

Но как отец Александр доставал этот материал, чтобы проиллюстрировать Словарь «картинками»? Он придавал большое значение иллюстрациям. Художник по натуре, он неумолимо искал и находил то, что считал наиболее удачным для данного текста, — в старых и новых книгах, журналах, справочниках. Использовал все свои знакомства, связи, собственную огромную библиотеку.

Сколько раз, смущаясь, он обращался ко мне с такого рода просьбами:

— Мне тут привезли книгу из Сорбонны (из Праги, из Канады и т. д.). Там очень нудный портрет (или: там такая «картинка»!). Да вот беда — эту книгу надо вернуть через три дня (пять дней, через неделю и т. п.).

— Сделаем, отец.

И мы делали.

В другой раз:

— Мне тут один портрет принесли... с Лубянки. Это — фотокопия с какой-то, наверно, десятой фотоконии. Может, получится?.. Вернуть надо поскорее.

Передо мной смутный лик какого-то священника, погибшего в лагерях. За каждым портретом следует несколько фраз о том, кто он — как о близком, давно знакомом.

В другой раз приносит затрепанный зачитанный журнал, типа «Техника молодежи», и показывает на последнюю совсем «лохматую» страницу обложки:

– Тут я нашел портрет N., который где только не искал! Вдруг получится?..

И получалось (а лицо там с ноготь!) Его молитвами.

В последние годы (с 1986-го) я часто приезжала к отцу Александру в Семхоз по его просьбе:

– Если вам не трудно... Я там нашел очень интересный материал, но – в очень больших и тяжелых книгах. Даже в портфель не умещаются.

Я приезжала. На полу, стульях, на столе – целые штабеля книг (нынешнего кабинета еще не было). Он доставал огромные фолианты, не позволяя мне их поднимать, и мгновенно, без всяких закладок, открывал нужные страницы, с восторгом показывая то, что надо переснять.

Я долго не решалась фотографировать его за этой работой – и робела, и фотопленка была нужна «для дела». Но все же кое-какие снимки сделала. Однажды, во время краткой паузы, я попросила отца подарить мне взгляд «на 1/30-ю секунды» (такой была выдержка для съемки при искусственном освещении). Он в это время беседовал с нашим общим другом, был очень оживлен, остроумен, как всегда, смеялся... Каково же было мое потрясение, когда при свете красного фонаря во время печати я увидела его взгляд в упор. Он привел меня в состояние ступора. При съемке я этого не заметила. Мне показалось, да и сейчас

кажется, что он ждет от меня чего-то большего, а я не могла понять, чего именно...

Готовые фотографии («переснимки») мы распределяли по конвертам, надписывая на них название статьи или темы. Все отпечатки делались в 10 экземплярах.

Потом, уже дома, отец сам наклеивал их в нужное место отпечатанной статьи. Говорил, что отдыхал за этим занятием.

Иногда, не находя портрета, он описывал художнику (давал ка-

было – не я одна, но потом отец Александр все негативы передавал мне, чтобы допечатать по мере необходимости и держать в одном месте.

Для каждого из нас – кто редактировал и переводил, кто фотографировал и рисовал или добывал материалы – работа с отцом Александром была и осталась «праздником, который всегда с тобой».

В заключение не могу не добавить, что в конце 1989 г. по просьбе отца Александра мне привезли из-

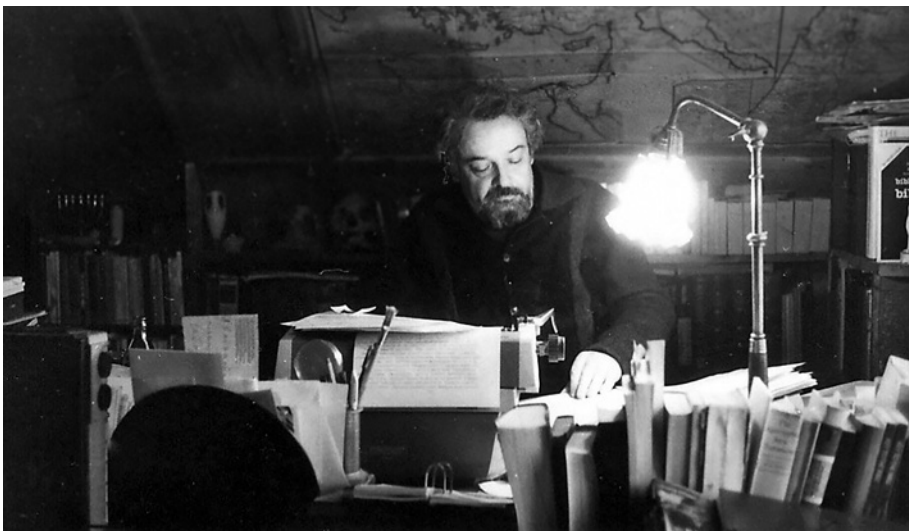
рандашный набросок), как должен выглядеть человек. И затем, когда рисунок его удовлетворял, я переснимала его.

А негативы (числом 500 или немногим меньше) я, уже после гибели отца, передала в Московский «Фонд имени Александра Меня».

Но главным в Словаре, конечно, были тексты. В начале их перепечатывали несколько человек, но был один, кто все семь томов перепечатал девять раз. И фотографов

за границы великолепную профессиональную фотокамеру – японский фотоаппарат «Minolta» с отдельной вспышкой, линзами. Но поработать им при жизни отца пришлось, увы, недолго.

НА СНИМКАХ: поиск иллюстраций, 22.12.1986; я в прежнем кабинете отца, снимок сделан им самим. И – тот самый взгляд на 1/30 долю секунды...

Обнял раз и навсегда

«Девочки, а вы читали "Хроники Нарнии?"» — Отец Александр тихо, но решительно отворил дверь детской на втором этаже, где нам с сестрой так уютно спалось. Так бессонно болталось. Так чудодейственно пропитывалось Его присутствием.

То, что мы бывали в его доме, дружили с внучкой Алей, было Чудом нашей жизни. Чудом, коснувшимся самых простых и важных вещей. Лета на даче. Сбора ягод с плодоносных щедрых кустов. Пирога с яблоками. Просмотра фильма вместе в обнимку на огромном диване в гостиной. Молитвы по вечерам. И — книг. Книг....

Он всегда подбрасывал чтение. Рея Бредбери, Хэмингуэя, Фолкнера, Грэма Грина и Льюиса нам открыл он. А многое помню со слуха. Сядет на краешек кровати, откроет заветный том, и его голос — неповторимый, глубокий, чистый уносит далеко-далеко, в Испанию, испепеленную гражданской войной, в старую добрую Англию или в лучезарную Нарнию, что в платяном шкафу.

Помог полюбить. Впитывать. Не проходить мимо Книг.

Цельная, крупная личность — целостна и в делах великих, и в мелочах. Быт он освещал. Любовью к деталям. Вот — на кухне — полотенце небрежно через плечо, рукава белой (помню, что белой!) рубашки закатаны. «Яичницу будете, девочки?»

Вообще-то мы ее не очень жаловали, но... попробовали бы вы по его рецепту! Глазастая, ароматная. С хрустящей корочкой и гренокками. Уписывали с восторгом, причмокивали. Запивали сладким чаем.

Поздний вечер. Уже укладываемся. Вдруг по лестнице шаги — легкие, уверенные. Поступь Ангела.

— Не мог не попрощаться.

Обнимает, целует на ночь.

Крылья рук. Свежее, августовское дыхание. Чуть морозное, лето перекатилось от смородины и малины к яблочному спасу, к назревающей калине. К горчинке на

языке, когда болеешь и надо пить калину с медом...

А он все покрывал своей Любовью... Даже мысль о не очень желанной (мягко говоря) школе.

Энергия любви была во всем. «Учитесь, девоньки, наука сокращает нам трудности быстротекущей жизни».

Когда он входил в комнату — становилось сразу тепло, почти жарко. Волны радости от того, что видит нас. **АБСОЛЮТНОЕ ПРИНЯТИЕ ДРУГОГО КАК ТВОРЕНИЯ БОЖЬЕГО** познала через него.

Улыбку, ласковое слово. Объятие.

Он всегда всех обнимал. Даже если просто смотрел на тебя, ты чувствовал, что тебя обнимают.

Это дар ЛЮБВИ. О котором говорил прихожанам, студентам, учителям. Тем, кому посчастливилось слушать его в перестроечное потепление, когда священника пустили в народ. Дар Духа, который и отличает человека от всего остального тварного мира. Дар Творения.

Творчество — от Бога, поэтому Сервантес, к примеру, желая создать сатирический роман, удивился, когда из героя вышел «рыцарь печального образа». Процесс

творения привел его к иному результату. К Открытию.

Открытие души — исповедь. Разговор. Поворот. Помню свою первую. В 7 лет. Не что говорила, а КАК батюшка накрыл чувством Доверия. Бесстрашия. Любви.

Обнял раз и навсегда.

День его смерти. Тридцать (!) лет назад... Золотое воскресенье, солнечное. В такие дни не умирают.

А Он и не умер. Чудеса после его гибели стали притчей.

Его фотография, образ служили мне оберегом на некоторых рубежах пути. И они всегда преодо-

левались. Если не с легкостью, то с победой. Над собой.

Вот и теперь его портрет целый день на столе.

— Мам, а расскажи про вашу аварию с Полиной, как отец Александр вас спас... А про дачу? А про храмик, где он работал, а?

Детям передать то, что Любишь, Того, кого знаешь. Тот Дар познания, который коснулся моей жизни. Спасибо, Батюшка, что ТЫ ЕСТЬ. ЧТО ТЫ УЖЕ 30 ЛЕТ такой Живой...

— Мам, расскажи еще!..

Настя Зорина

Последняя встреча

Было очень тревожно. Предпоследний день августа 1990 года. Володя Юликов должен был забрать с дачи нас, взрослых, девочек и гостившую у нас Алю, батюшкину внучку. И почти неподъемный груз летних заготовок. Потом заехать в Семхоз к отцу Александру. За благословением и напутствием. И за первосентябрьским букетом.

Уже давно стемнело. Уже давно все сроки вышли. Только девочкам было хорошо, им не хотелось расставаться.

Ну, наконец-то! Володечка!!! Говорящая шаровая молния нас упаковывает и везет на встречу-прощание к батюшке. Почти ночь...

Как будто сама собой распахивается калитка! Отец Александр тоже не находил себе места. Заждался. Отеческие объятия. Но у него за сиянием радости чувствуется тень беспокойства, внутреннее напряжение, которые выдает резкая угловатая экспрессия. Видно, что его не отпускает тревога... Он — сияющий и одновременно почти сумрачный. Странная раздвоенность. И воздух будто наэлектризован. В суматохе мы не можем скрыть смущения. Заставили себя ждать, так волноваться.

Идем за ним в дом, к иконостасу. Он молится коротко, горячо. Явно в присутствии Господа. Это чувствуется, и это реальность.

Известна фотография, где он молится, подняв ладони к лицу. Глубокое медитативное состояние. Веянье тихого ветра. А тогда, в тот поздний вечер, он молится пламенно и поспешно. Затаив дыхание, мы тоже участвуем. Оборачивается... Пора... Благословляет, поручая нас Господу.

Охалка гладиолусов из его рук. Вышел проводить нас до калитки. И мы следом, гуськом.

Ночь кромешная. И, кажется, беззвездная. Или нам было не до звезд... Отец Александр замкнут. Редкое состояние, не свойственное ему.

Хлопают дверцы машины. Девочки хлопают носами. Какое-то тяжелое расставание. Оглядываемся, оглядываемся... Темная фигура пропадает, сливается с ночью.

И до 9 сентября эта встреча-прощание не раз вспоминалась.

Не случайно, думаю, всплыли эти картинки прошлого, быть может, чтобы все встряхнуть полузабытое. Чтобы напомнить об ответственности и отзывчивости. А, может быть, восполнить что-то упущенное.

В ту ночь, по пути к калитке, отец Александр озадачил меня вопросом о Лене Василенко. «Дружите ли вы по-прежнему с ним?» Подробно отвечать было некогда, и я почти отмахнулась. А в вопросе был серьезный посыл. Понимание, признание Лениной незаурядности. Его духовной организации. Озабоченность... А может быть, предчувствие... Или желание поручить нам Леню и его семью. О нашей дружбе он, конечно, знал. Ленечка, только так мы его называли, нередко бывал у нас на даче с дочками. Были совместные Пасхи и дни рождения детей. Мы тогда в общине завели правило: отдавать детей на выходные погостить в другую родную семью.

Не однажды Леня приезжал к нам в Семхоз с младшей Верочкой, крестницей моего мужа, чтобы ранехонько, к ранней, пойти на службу в Сергиев Посад. Спокойный, смиренный, немного загадочный, что говорило о непрестанной внутренней работе. Закрытостью, почти сомнамбулической, он отгораживался от сутолоки жизни. И эта отрешенность, может быть, и задевала кого-то. Зато вы-

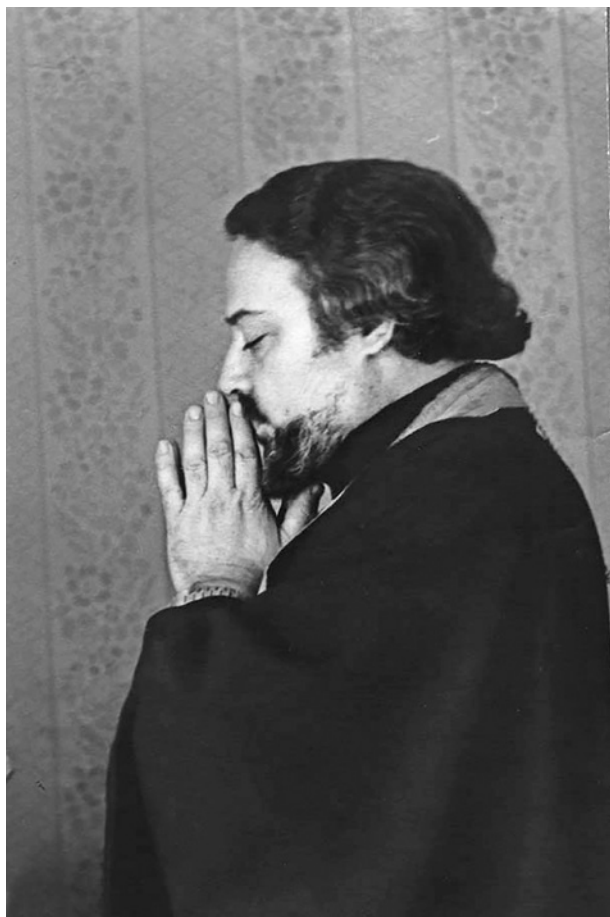
ходы из «самоизоляции» могли быть очень даже экстравагантными. Как однажды на общей прогулке в лесу. Он вдруг исчез из видимости, из детского роя. Мы окликаем, ищем по кустам. А он с высоченной березы прокричал приветствие — нам, притихшему лесу, миру! На самой вершине, которая качается — ужас, восторг!.. А снизу — «слезай скорее, папочка!»

Никого из своих чад отец Александр не упускал из виду до самой смерти.

Однажды он спросил меня: как начинается мое утро? Более чем наивная, я бодро ответила: с умывания и гимнастики. Тогда я только-только входила в молитвенную жизнь. И очень скоро поняла, о чем спрашивал о.Александр. И ужаснулась. Вектор наступающего дня задает утренняя молитва!

Не сбиться с этого направления помогает его «Молитва учеников Христовых», с которой вот уже многие годы начинаю утреннее молитвенное правило.

Татьяна Макарова

Александр Зорин

Рукастый философ

Редееет близкий круг отца Александра Меня, круг новодеревенского прихода. За тридцать лет со дня его гибели многих не стало. Может быть, не лишне вспомнить о них, ушедших, дополняющих образ пастыря во главе сплоченного стада разношерстных овецек...

Леонид Иванович Василенко (1946–2008), философ, автор нескольких книг и многих статей по религиозной философии, богословию, экологии и культуре. Колоссальный список его трудов можно найти на сайте VasilenkoLeonid.ru

А у меня всегда под рукой его «Краткий религиозно-философский словарь» – потрепанная книжица в бумажной обложке, корешок чуть порван. Это значит, что словарь пребывает в частом употреблении. И действительно, я с ним не расстаюсь. Исчерпывающая полнота понятий в афористично-краткой форме.

Читая любую статью конечно же вспоминаешь автора, с которым общался более тридцати лет. Он из тех умственно одаренных людей, которым сподручна любая физическая работа. Родом из Краснодарской станицы, где в домашнем хозяйстве руки не менее важны, чем голова. Владел столярным инструментом профессионально. Книжные стеллажи у себя в доме, в Москве, смастерил сам – добротно и красиво. И, кстати, когда мы строили книжные полки на террасе у отца Александра, Леня был главным конструктором, а мы, несколько его духовных братьев, подручными. Помню, как он шагает по дорожке на станцию «Семхоз» с большим рюкзаком на спине, куда сложил инструмент. Он и сам был большой, широкоплечий, рукастый.

В Новодеревенской общине мы организовали строительную бригаду. Помогали в ремонте квартир, на дачах, в хозяйственных нуждах. Отец Александр с радостью благословил это начинание. Семья Олега Степурко теснилась в крохотной квартирке. Леня построил двухэтажную кровать для двоих детишек – мальчика и девочки.

Начало восьмидесятых. У молодых специалистов нищенские зарплаты. Гуманитарная профессия многим не приносила достаточного дохода, чтобы обеспечить семью. А у Лени трое маленьких детей, трое девочек. Он, не раздумывая, согласился на мое предложение поработать в строительной бригаде, в шабашке. Ее собрал мой школьный товарищ, строитель. Очередной объект – дом священника, где предстояли капитальный ремонт, утепление стен, потолка. Священник намеревался жить здесь зимой. Недалеко от Москвы, где служил.

Да и я, недавно принятый в Союз писателей, стабильного заработка не имел. Перебивался переводами стихотворений на русский язык и строительными подработками. У меня тоже двое детишек.

Мы стоим с Леней на станции Люберцы, ждем электричку. Он без рюкзака, инструмент нам оставлен на даче нашими товарищами. Они, занятые в своих учреждениях, шабашат по выходным, мы, представители свободной профессии – по будням.

Утро, народ толпится у края платформы, замороженный бесплатным зрелищем. На дальних рельсах валяется тельце белого голубя. Вокруг него суетятся, увертываются от трех ворон три крысы. Равное противостояние. Кто кого? На чьей стороне зрители? Тоже, наверное, поделились поровну... Но примчавшаяся электричка пресекла этот спектакль. Автору статей о русской религиозной философии, да и мне, поэту, поучительно было увидеть природную схватку за хлеб насущный. Впрочем, она обыкновенна в мире, не знающем сверхприродных ценностей.

В тот день мы утепляли потолок. Штабели стекловаты громоздились в сарае. Крыша дома шиферная, покатая, от потолка до крыши узкое пространство, щель... На дворе июль, под тридцать. Современных тряпичных масок на лицо тогда не изготавливали. А стекловата под любым нажимом пылит, даже застеленная рубероидом. Чувствителен на чердаке ее бритвенный воздух.

Мы с Леней разделились, помогая друг другу. Он большой, ему в узком пространстве труднее, но он,

если мне и уступал нехотя в труднодоступных местах, то брал на себя под крышей не менее емкую работу: подбивал рейки, кроил, подравнивал куски стекловаты, подносил новые.

В девяностых годах ему уже не понадобились плотницкие приработки. Он известный ученый, автор монографий и учебных пособий, преподаватель нескольких вузов, Католической духовной семинарии в Санкт-Петербурге, Московской семинарии евангельских христиан, православных институтов, в том числе института, ректору которого когда-то ремонтировал дачу.

У меня с этим эпизодом связано стихотворение, ему посвященное.

НАПАРНИК

Лене

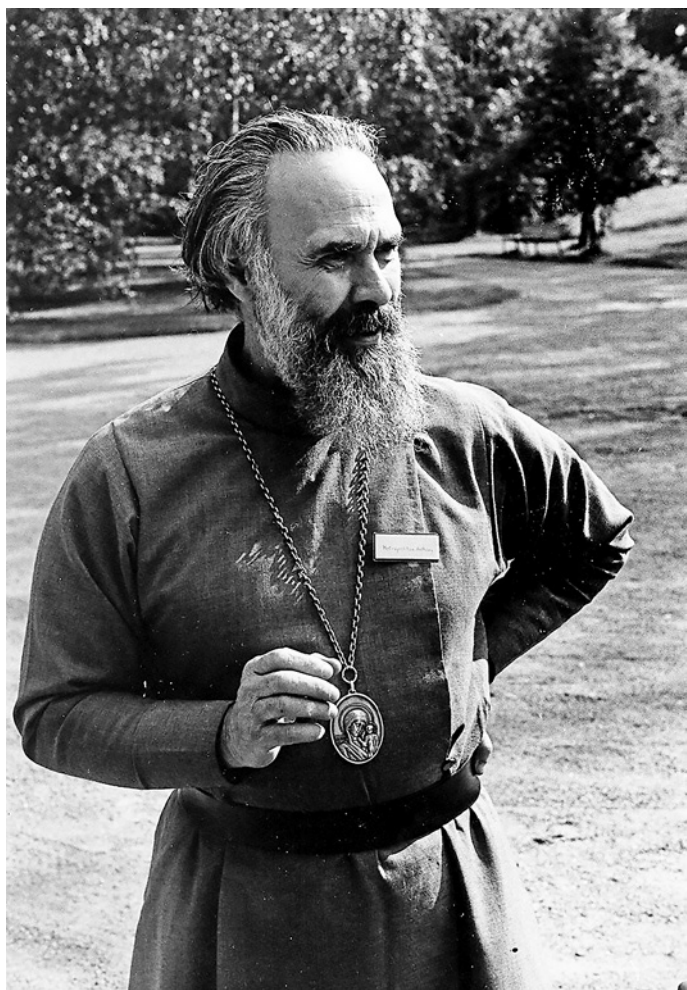
Блок стекловаты распластывая на чердаке,
в поте лица бритвенный воздух вдыхая,
думаю я о целехоньком четвертаке,
что заработаю за день – цена неплохая.
Ночью, пардон, отхаркаюсь и отдышусь.
Спать завалюсь на прохладные чистые доски...
Ну, а пока эту слепящую гнусь
лучше не видеть и не зажигать переноски.
С дочками, может быть, скоро пойду в зоопарк.
Их покатаю на пони, куплю по конфете...
Без респиратора ползать здесь – дело табак.
Но не печалься... Есть справедливость на свете.
Если семья настоящая, а не вертеп,
дети одеты и сыты, значит – богатый.
Или забыл, что обещано: есть будешь хлеб
в поте лица своего... Заедать стекловатой...

Редакция ПГ выражает благодарность авторам и всем, кто принял участие в подготовке материалов этой рубрики. И прежде всего отмечаем вклад прихода Сергиевского храма в Семхозе, разработавшего программу памятных мероприятий и организовавшего ее реализацию.

Парадоксы свободы

Онлайн-семинар по наследию митрополита Антония Сурожского

Темой очередного семинара по наследию митрополита Антония Сурожского были «Парадоксы свободы». Из-за пандемии семинар прошел в онлайн формате.

В своем вступительном слове президент Фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» Елена Садовникова напомнила, что семинар проходит в рамках цикла встреч, который продолжается уже больше года и посвящен обсуждению книги «Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смыслах» с текстами митрополита Антония Сурожского разных лет.

Как отметила Елена Юрьевна, тема семинара крайне актуальна в нашей сегодняшней реальности, когда свобода часто противопоставляется ограничениям, законам и правилам (не в последнюю очередь речь идет об ограничениях, продиктованных опасностями распространения коронавируса).

Затем было показано видео выступления митрополита Антония, в котором он говорит о том, что с

самого начала Бог дал миру свободу (и эти слова затем неоднократно повторялись участниками, став одной из ключевых фраз всего семинара). Замысел относительно человека заключается в том, чтобы он свободно прошел путь «от состояния незапятнанности в ту меру, которая уже не может быть запятнана». Так же был создан мир – с возможностью перехода от невинности к святости.

Протоиерей Дмитрий Симонов, настоятель храма свв. ап. Петра и Павла при РГПУ имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), в своем выступлении привел слова митрополита Антония о том, что теоретизировать на подобные темы невозможно, нужно исходить из опыта. В беседах владыки прот. Дмитрий обратил особое внимание на различие Ветхого и Нового Заветов: если первый дает праведность, то второй ее «исключает». В этом и заключается глубина Нового Завета – свобода и любовь не

знают никаких схем. Свобода и любовь – понятия, неотделимые друг от друга. Тот, кто не является мной, имеет право на неизбежную несхожесть со мной. И далее, продолжая эту линию, мы приходим к очень важной мысли: отказываясь признавать свободу других, мы теряем свою собственную свободу.

Действительно, подтверждение этого правила мы можем видеть у разных народов, в разных религиозных и культурных традициях, среди самых различных социальных групп.

Иеромонах Иоанн (Гуайта) напомнил, что значение свободы в традиции Церкви очень велико. Не случайно она всегда осуждала зависимости и даже сильные привязанности; ведь это то, что лишает человека свободы. С другой стороны, вся история Спасения – это история возвращения Богом человеку свободы. «Для свободы», для того, чтобы у человека был какой-то нравственный ориентир, Бог дает ему Закон.

Далее выступающий сосредоточился на соотношении Суда (справедливости) и Милости (милосердия, прощения), приводя слова митрополита Антония о том, что смерть Иисуса на кресте – это единственная точка, в которой Суд встречается с Милостью. Отец Иоанн рассказал о своих встречах с предстоятелем Армянской Апостольской Церкви Католикосом Гарегином I, чье богословие, по его мнению, очень близко богословию митрополита Антония. Действительно, для обоих важнейшей темой была тема встречи человека с Богом. Беседуя с Католикосом, Иоанн спрашивал его о смысле страдания и услышал в ответ, что далеко не все страдания приходят от Бога. Мы сами можем причинять страдания себе и другим. Но именно страдания являются залогом нашей свободы. Сам факт существования страданий говорит о том, что Бог уважает нашу свободу и наше достоинство. А когда речь идет о таких бедствиях, как землетрясение или пандемия, бессмысленно задавать вопрос «почему?» Бог не наблюдает с неприступной высоты за злоключениями людей, Он становится одним из нас, чтобы разделить нашу судьбу и умирает на кресте.

В книге «Хаос. Закон. Свобода» митрополит Антоний говорит о шеоле, то есть о загробном мире древнего Израиля. В притче о богаче и Лазаре оба – и богач, и Лазарь – после смерти находятся среди мертвых. Лазарь утешается на лоне Авраама, а богач страдает – но оба они лишены возможности богообщения. А ведь именно в этом, говорит митрополит Антоний, состоит призвание человека – быть другом Бога в вечности. Христос умер и сошел в ад, взяв на себя состояние мертвого и осужденного, – и вывел из ада Адама, и вернул нам дружбу с Богом. «Вот это парадокс нашей свободы, здесь справедливость и милость встречаются, потому что Судья взял на себя нашу вину ради любви к нам, и об этом владыка говорит во многих местах», – так завершил свое выступление иеромонах Иоанн.

Представляя очередного докладчика – Элизабет Робсон Элиот, продюсера религиозных передач, экс-главы Русской службы Би-би-си, консультанта по вопросам средств массовой информации (Великобритания), Елена Садовникова подчеркнула, что благодаря работе Элизабет и ее коллег во времена СССР многие получили возможность услышать живой голос митрополита Антония Сурожского и других замечательных людей.

«Нас всех с детства учат подчиняться правилам, правила – основа существования общества. Но не это интересует владыку», – сказала Элизабет. Для нее, воспитанной в строгой протестантской традиции, очень важно то различие, которое митрополит Антоний проводит между формальным соблюдением правил и евангельской вестью о том, что человек при-

зван стать соработником Бога (и в этом не может быть никакого принуждения).

Элизабет вспоминает: «Напутствие владыки было простым. Подумай, как тебе вернуться к тому, чтобы быть заодно с Богом». И затем еще одна цитата: «Судить и осуждать – это сверхчеловеческие способности, и человек не должен к ним прибегать, чтобы быть таким, каким его задумал Бог».

Согласно владыке, в основе свободы лежит отношение любви. Но что конкретно мы любим? Мы любим инаковость окружающих людей, принимая их отличия и радуясь тому, что отличает их от других. Мы приходим к этому, когда узнаем Учителя, и, ставя себя в позицию учеников, постепенно учимся владеть собой. Самообладание дает свободу и возможность действовать.

Подводя итог семинара, Наталья Ликвинцева, ведущий научный сотрудник музея «Дом Русского Зарубежья», поблагодарила участников за то, что снова удалось выйти на ту «динамическую реальность», о которой говорит митрополит Антоний, и что обсуждение того, что такое свобода, превратилось в обсуждение нелегкого пути к свободе и того, как по нему идти.

Видеозапись семинара можно посмотреть по ссылке на сайте Фонда «Духовное наследие Митрополита Антония Сурожского»: <https://antsur.ru/ru/on-lajnp-paradoksy-svobody>

Дмитрий Минорский

Колонка Михаила Завалова

Между завистью и славой

Есть удивительный Псалом 72. Его лирический герой (псалмопевец) признается, что *позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых* – то есть, как он может наблюдать, плохие и наглые люди живут без забот и процветают, а это причиняет ему боль. Но через какое-то время, в Храме, он понимает нечто важное: мне с Тобою ничего не нужно, я всегда с Тобою: *Ты держишь меня за правую руку... и с Тобою ничего не хочу на земле.*

Я стал читать этот текст иными глазами, когда после десятилетий как бы христианской жизни открыл бездну зависти в самом себе. Правда, она направлена не только на *нечестивых*, и среди прочего проявляется как тайная радость в тот момент, когда с иными людьми происходят разного рода несчастья. Нередко объекты зависти не были со мной знакомы и ничего плохого мне не делали. Я увидел, что это постыдное переживание, о котором не говорят вслух, занимает много места в жизни – моей и других. Я стал о ней думать.

Мне пришлось отказаться от распространенного заблуждения о том, что зависть возникает при «объективной» нехватке чего-то: денег, талантов, достижений или признания. Скорее пружина зависти сродни подражанию. Вот прекрасная модель. Десять маленьких детей блаженно играют в песочнице, а потом один садится на качели, которые до того пустовали. И тут у оставшихся девяти вдруг пробуждается острейшая потребность – почти телесная – тоже сесть на качели. Притом такой жгучей потребности миг назад просто не существовало. Подобное происходит и у взрослых, только порой у них нет шанса когда-либо в жизни «сесть на качели», так что им остается только лишь испытывать злорадование, когда тот, кто занял качели, упадет.

Если я свою зависть не осознаю, то обязательно буду защищаться от ее мучений, обесценивая «сидящего на качелях» через насмешки, презрение и т. п. Это уменьшает страдания – боль из-за моей (воображаемой) неполноценности, из-за того, что я не на своем месте. И тут зависть вовсе не безобидна: она делает меня недоброжелателем, а то и врагом (готовым причинять боль) того, кто «на качелях». За ней стоит чувство, что меня унизили, и оно требует «воздаяния».

Это значит, что зависть есть боль статуса. Мне кажется, что в группе равных мне (разумеется, воображаемой) кто-то имеет то, чего у меня нет. Следовательно, для моей группы я выгляжу существом второго сорта (разумеется, как мне кажется). Тут было бы неуместным размышлять о многообразном влиянии зависти на общество: она есть двигатель экономики и революций, основа рекламы, оценочной психологии и ощущения «социальной несправедливости». Есть вопрос поважнее: что с ней делать?

Разумеется, ее сперва надо осознать, признать и, вероятно, выразить вслух. Да, это рана, с которой мне придется жить дальше, быть может, до смерти, но не повод винить и унижать других. Жан Ванье говорил, что мы завидуем тогда, когда не замечаем наших собственных даров в общине. Скажем, я хотел бы быть харизматическим лидером, как N, но не осознаю, что имею дар слушать. Община помогает найти свое место: тут у каждого свои «качели».

А еще мои размышления неожиданно привели меня к такому непопулярному сегодня библейскому термину, как *слава*. Вот она – подлинная тема зависти. Где моя настоящая слава? В чем ее критерий? Кому она вообще принадлежит? И ведь недаром в Псалме 72 избавившийся от зависти герой со вздохом облегчения говорит Богу: *Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу.*

Поверх математики и физики...

(Продолжение. Начало см. в №141)

Тогда в фантастике было намного больше свободы, чем во всем остальном. И как раз от Владимира Николаевича я узнал, что вышла, почти подпольно, «Улитка на склоне». Пророческая книга.

Есть редкие люди, которые могут насыщать жизнь других. Уже тогда он наполнял мою жизнь новым смыслом, а он ведь еще не был верующим. Но поверх математики и физики он пытался нам сказать нечто большее.

Были у него и довольно странные представления. Например, он считал, что женщины не должны заниматься физикой. А в кружок набежало множество девиц. И он начал промывать нам всем мозги, что женщины призваны к другому, и часть их сумел отвадить. Девчата в какой-то момент даже жаловались на него директору с огромной обидой.

Однажды пришел бритым под ноль. Контраст был сногсшибательный. А как-то раз явился с громадным флюсом. Проходит неделя, но флюс остается. Я в это время начитался дома родительских книг про радиацию и про рак. Ну все, подумал я, это у него рак от радиации в МИФИ. А потом оказалось, что он принципиально не лечил зубы.

Счастье продолжалось больше года и почему-то закончилось: он перестал приходить. Я жил недалеко от МИФИ, а Владимир Николаевич преподавал там. К нам в школу он ходил, наверное, когда защищал диссертацию. В те времена, чтобы все прошло гладко, требовалась какая-нибудь общественная работа. Естественно, расставание привело к чувству потери. Именно в те времена я сформулировал для себя, что всякое настоящее общение требует продолжения, и возможно, бесконечного. С одногодками было понятно, что для этого делать, а со взрослым человеком было неясно, как это осуществить. Да и номера его телефона у меня не было.

БЕСКОМПРОМИССНЫЙ ПОИСК

Когда школа закончилась, половина нашего класса поступила в МИФИ, а я из запальчивости поступил на мехмат, но не прошел и вынужден был поступить в МИСиС, чтобы не попасть в армию. Но так как я мечтал заниматься если не математикой, то хотя бы теоретической физикой, то подумывал о переводе в МИФИ.

Надо сказать, что в нашем классе учились в основном дети, родители которых работали в МИФИ. Среди них были дочери деканов, заведующих кафедрами, сын проректора и т.д. Так что я имел представление, что там происходит и кто как там преподает. Многим моим одноклассникам, поступившим в МИФИ, посчастливилось учиться у Владимира Николаевича. У моего близкого приятеля он читал электричество. В те годы на кафедре общей физики была монополия декана Савельева. У него уже вышел учебник, и от всех других преподавателей тоже требовалось читать этот курс по Савельеву, а от студентов сдавать по Савельеву. А Владимир Николаевич читал свое, необычное, и это, вообще-то, требовало большой независимости, смелости и бескомпромиссности. Ему пришлось повоевать, чтобы и студентам можно было сдавать по Лихачеву. Мой школьный приятель эти лекции по электричеству переписал каллиграфически, разрисовал и выучил наизусть. Так что я про Лихачева все время знал и помнил.

Перевестись в МИФИ можно было только после второго или третьего курса. И вот 1972 г., меня там уж ждут, и мне надо только сдать теоретическую физику,

а я не сдал. Это горе! Конец жизни! Я еду домой и плачу. И вот стою на остановке на Каширке и натякаюсь на Владимира Николаевича. Он увидел мое состояние, подошел, разговорил, успокоил. Но не узнал и не смог вспомнить, где мы виделись. Я напомнил ему, как он приходил к нам в школу. В общем, в тот день он вернул меня к жизни. И снова мы расстались на долгое время.

Тогда он еще не был верующим христианином, но был в поиске. Восток, экстрасенсорика, мистика. Его поиск был бескомпромиссен: если экстрасенсорика – то и лечение руками чуть ли не от рака, если мистика – то с мистическим прозрениями и озарениями, без особой критики. Мой религиозный поиск был другим по стилю. Я боялся, уверовав, потерять критическое отношение к действительности. Я был осторожен. А он ничего не боялся, и его временами заносило. И громадное счастье, что в конце семидесятых он встретил отца Александра Меня, подружился с ним, а потом и крестился, став его духовным чадом. Его запальчивость отцом Александром очень смягчалась, и к началу 1979 года Лихачев был на пике своего духовного развития. Мне страшно повезло, когда я встретил его в третий раз.

РАЗБИРАТЬСЯ С БОГАМИ

Религиозный поиск начался у меня с первого курса. Я вообще-то книжный человек, и я записался, еще будучи школьником, в Ленинскую библиотеку, что было не просто даже для студента, и просиживал там за той литературой, которую удавалось получить. Христианской литературы не выдавали, но Восток был доступен. Я начал с йоги. Читал Веда, Махабхарату, Бхагавадгиту в переводе Смирнова. Ее уже после окончания института я даже наизусть выучил. Поиск ограничивался доступной литературой: Патанджали, Ганди, Торо, Вивекананда, Радха-кришнан. Автобиография Ганди на меня произвела очень сильное впечатление, особенно одно из событий его жизни: когда во время учебы Ганди в Лондоне его друзья пытались обратить его в христианство, он сказал им, что сначала он разберется со своими богами. Вот и я решил разобраться со своими богами: то есть с Иисусом Христом. Так как доступны были Гегель и Толстой, то я прочел Евангелие от Гегеля и от Толстого. Потом неожиданно я узнал от родни, что я давно крещен, надел крестик, обнаружил Библию у своего деда, забрал и начал читать.

В это время моя младшая сестра Лена поступила в МИФИ и попала к Лихачеву. Но физика ее совершенно не увлекала, тут еще она вдруг захотела стать художником, и Лихачев ее в этом поддержал. Он и тогда временами на лекциях очень убедительно проводил мысль, что женщины не должны заниматься физикой. Она решила уйти из МИФИ, мама была против, дома начался непрерывный скандал. И сестра пригласила Лихачева к нам, чтобы он уговорил маму.

Он пришел, обкурил, обаял, успокоил нашу маму. Опять не вспомнил меня, но, увидев у меня на шее крестик, заинтересовался, зачем, мол, мне это. Я и говорю ему: хочу разобраться со своими богами. Это было в 1979 году. И в тот день он меня позвал в создаваемую им религиозную группу. Разбираться с богами.

Далее началась налаженная и насыщенная жизнь под крылом Володи Лихачева в религиозной группе, в «общении». О, как он наполнял жизнь мою и всех членов «общения» в те годы! Мы встречались в храме Николы в Кузнецях в воскресенье и после шли в блинную, а потом гуляли. Раз в неделю, а иногда и два, по будням собирались, молились, читали и обсуждали Евангелие, на религиозные праздники ходили по другим храмам, делали спектакли и слайд-фильмы...

Раз в месяц Лихачев приглашал к нам отца Александра. И сразу для всех нас исходатайствовал его, отца Александра, духовное руководство. Тогда это было проблематично из-за слежки за пастырем, и новых людей, особенно молодежь, он отправлял к другим отцам, чаще всего к Александру Борисову. Религиозных групп-общений в приходе было много, и была попытка как-то ограничить наплыв людей в Новую Деревню в тот период.

А еще каждый год 9 мая утром мы, только нашим «общением», ехали в Семхоз, домой к отцу Александру, копали огород (небольшой, под картошку), а когда тот приезжал после службы, были застолье, беседа, молитва, счастье. Были дни, когда Лихачев пас свою младшую дочь, и мы просто гуляли.

С ним можно было поделиться чем угодно, всеми проблемами, в любое время суток. Бывало, я уезжал от него с последним троллейбусом. Я чувствую вину перед его близкими: на нас он тратил громадную часть своего времени. Возможно, для его семейной жизни это было порой разрушительно. Ведь и собирались иногда у него дома, а некоторые оставались ночевать.

Конечно, у Лихачева была религиозная группа и до нас (кажется, одна), были у него «общения» и после нас, даже с нашими детьми, но наше «общение» случайно оказалось особенным. Все мы принадлежали к общине отца Александра. Поначалу тот все брал на себя: собирал народ дома, мотался по Подмосковию и Москве, посещая собрания разных групп прихода. В дни богослужений все набивались в храм в Новой Деревне. Но народу прибывало, а религиозные преследования в то время никто не отменял. И тогда у Зои Афанасьевны, кажется, возникла идея облегчить крест отца Александра. Разбить приход на группы, в каждой из них поставить руководителя такого, чтобы он смог и катехизировать, и принимать новых прихожан, и делиться своим опытом, и отвечать на все текущие вопросы. И чтобы все ходили в московские храмы, а в Новую Деревню прихожане приезжали бы только изредка и по разрешению. А отец Александр общался бы в основном с руководителями. Руководители «общений» как бы заменяли его.

Александр Андрюшин
(Продолжение следует)

Скончался мудрый, добрый, веселый о. Петр...

Ночью 11 сентября в городе Эксетере (Великобритания) на 78-м году жизни отошел ко Господу протопресвитер Петр Скорер, видный представитель русской эмиграции в Великобритании, духовный сын митрополита Антония Сурожского, президент Metropolitan Anthony Of Sourozh Foundation, мудрый, отзывчивый, добрый, веселый о. Петр...

Петр Скорер родился в Англии 15 октября 1942 года. По материнской линии – внук знаменитого русского религиозного философа Семена Людвиговича Франка. Отец, англичанин, погиб на фронте в 1943 году. В семье Петр получил православное русское воспитание, был крещен в детстве известным пастырем архимандритом Львом (Жилле). Окончил Оксфордский университет по специальности «французский и русский языки», затем учился в Свято-Владимирской православной семинарии в США, которую окончил в 1967 году. В сан диакона был рукоположен в 1973 году митрополитом Антонием Сурожским. Доцент кафедры русского языка в университете города Эксетер, графство Девоншир.

1 февраля 2020 года протоиерей Петр Скорер был рукоположен во пресвитера. Иерейскую хиротонию совершил в часовне св. Анны в Эксетере архиепископ Фиатирский Никита (Константинопольский патриархат) – правящий архиерей о. Петра.

Отец Петр прожил 53 года в браке с супругой Ириной. Этот союз дал жизнь трем детям – двойняшкам Томасу и Ксении и сыну Филиппу. У отца Петра и матушки Ирины пятеро внуков.

Занятия «Библия в искусстве»

Дорогие друзья, продолжение занятий по программе «Московское долголетие», которые проходили в нашем храме, напомним, по средам, откладывается из-за пандемии (осуществлять данную программу пока разрешено только под открытым небом).

Но с октября стартуют бесплатные дистанционные онлайн-занятия «История искусств: библейские мотивы» – по понедельникам 11.30–13.30. Начнем мы с Сотворения мира. Занятия проводятся на платформе ZOOM (ее установка занимает минуту).

Число участников ограничено, до 98 человек.

Для записи напишите организатору Марине в WhatsApp: +7 (925) 291-29-58. Либо ей же на почту morsckaya@mail.ru

На всякий случай – **контакты преподавателя Ирины Канторович**: 8(915) 381-34-72 или irinakant@mail.ru (предпочтительнее писать, а не звонить).

Приглашайте друзей-пенсионеров! Могут записываться участники «Московского долголетия» любого района Москвы (в том числе Троицка, Зеленограда и т.п.).

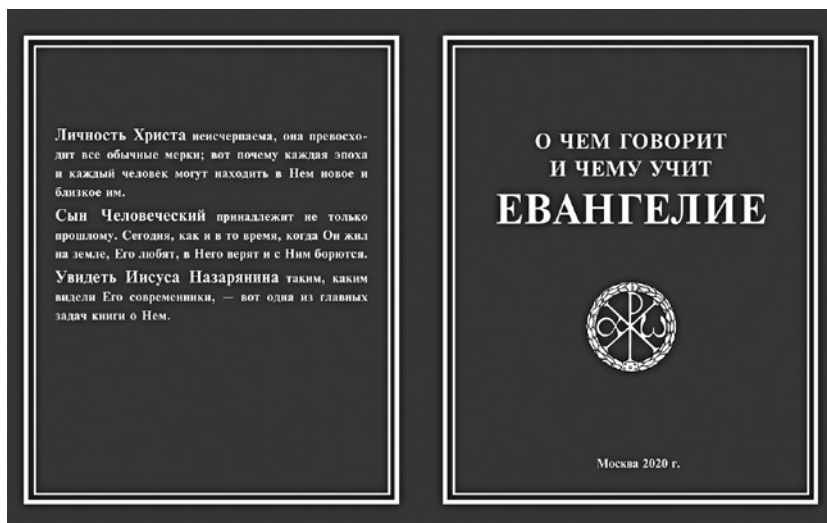
Ирина Канторович

По книге «Сын человеческий»

Готовится к выходу в свет (Издательский дом «Жизнь с Богом») книга «О чем говорит и чему учит Евангелие». Это дайджест самого популярного произведения протоиерея Александра Меня «Сын Человеческий». Рекомендована Издательским советом РПЦ.

Составитель – протоиерей Александр Борисов. Книга предназначена для самого широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории религии.

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, ЧТО ОН СЛЫШИТ

Светлана Лукьянова

К молодым XXI века

Есть в поколении моем
Романтики живая сила,
И сколько б осень ни кружила,
А мы живем весенним днем!

Пусть плоть уже трещит по швам,
Трепещут нервы, голос глохнет,
Но телефон ответит вам
С любовью, что в сердцах не сохнет,

И с юмором, что превозмочь
Умеет все напасти сразу –
В час одиночества и в ночь,
Когда в ней не сомкнуть и глаза,

Всем бедам и смертям назло
Мы выживаем с этим свойством,
Хоть докучаем беспокойством
Тем, кто устал от нас зело.

Мы потягаемся еще
И фору молодым предложим:
У нас есть дружба плечо,
И это мы вам жить поможем!

За нами и война, и тыл,
Огонь сердец и перестрелок –
Ковались в нем и крепость жил,
И милосердие сиделок!

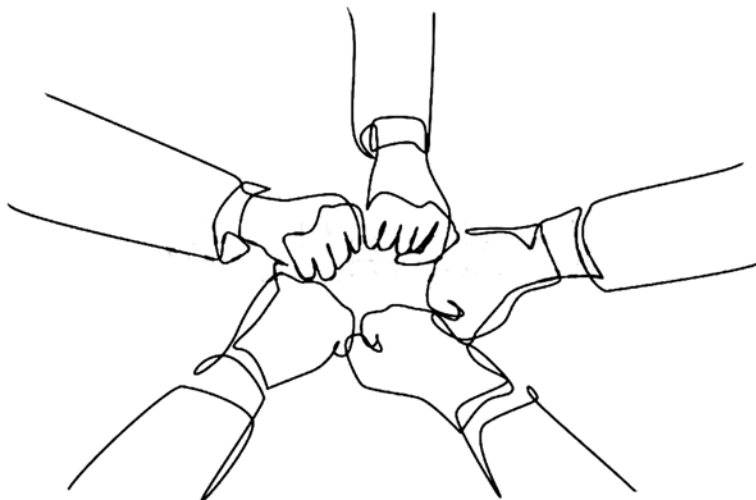
И только зависть не сродни
Сердцам, наполненным любовью!
Что общего в них с этой новью,
Где властью денег пахнут дни?!

В сообществе, где зла цветы
Нагромождали «пирамиды»,
Все меньше нас, но мы – киты,
Атланты и кариатиды:

Романтики без средств и слез –
Мы держим этот мир собою,
И нам поручено судьбою
Злу противостоять всерьез!

И ныне «свет» о стариках
Зря фарисействует со страстью:
Как предки, мы перед напастью –
Со Словом Божиим в руках!

Пока мы живы – не умрет
Надежда мира на спасенье,
И в нас Христово Воскресенье
Святую веру не сотрет!

Людмила Чумакина

Вы (он, она) мне длинно пишете.
Вам тоже там не по себе?
Вы слышите? Вы тоже слышите –
как **Ангел Смерти** на трубе
 всю ночь негромко репетирует...
Ведь, то – не Вагнер и не Бах.
То – время звуками тестирует –
и на готовность и на страх:
как поведем себя? Что выберем?
(не все же средства хороши).
А мы на лист всю душу вывернем,
все искрошив карандаши!
Всю ночь несносно мозг вибрирует –
бумаге рифмы говорит,
в нем **Ангел Смерти** репетирует –
пока шедевр не сотворит.

«Полуночник» Э. Мунка

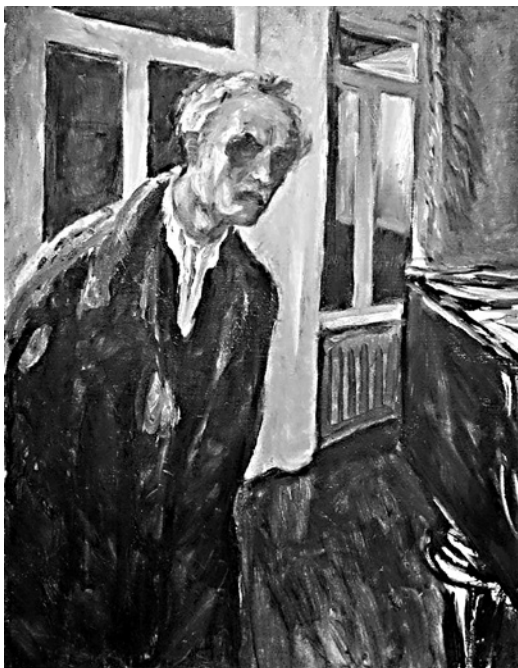
Идешь сквозь болезнь, *Полуночник*, –
сквозь душу, объающую адом,
и манит *змеиный источник* –
змеиной лозой винограда.
Желтое луны твои щеки –
и муки твои одиноки.
И всюду – ловушки, засада...
И сам ты – энергии токи,
пожар, западня и насада;
и сине-зеленые соки
сквозь окна струятся из сада,
и ангелов трубы и роги –
в мозгу, как гуденье набата.
И *крестоподобная рама*
к спине твоей жметя упрямо,
и дом этот – страхов палата,
и тени *Христа и Пилата*
спускает небесная яма,
и видишь ты подслеповато
тот холм и тупого солдата:
там все не кончается *драма*,
и смотрит *Христос* виновато,
как в крест превращается рама –
где ночь, человек и палата.
И сине-зеленые змеи
вползают сквозь стекла ночные...
И... Бог защитить нас *не смеет* –
пока мы земные.

Альбрехт Дюрер
«Четыре ангела Смерти».
1496–1498 гг. Фрагмент

«Вульгарное мышление мешает
домыслить свое бессмертие...»
(А.М. Пятигорский)

Я – думаю... Я – навзничь в полный рост.
Мой отдых – полуночных мыслей хаос –
покуда ночь из огненных борозд
ваяет небо, задыхаясь.
Я сонным бредом – правлю и верчу,
внимая жадно каждому виденью, –
но «тень» мне говорит, что я хочу,
а, мне бы, – разговоров с «тенью»!
Вы умерли. И мне Вас не забыть.
Вы только «тень». И что мне делать с нею?
Мозг заболел – и я берусь лепить
«сюжет о мысли»... Может быть –
сюжет без слова – не беднее!
Но для чего он нужен вообще?!
Неистребим «вульгарный ход вещей»,
несущий неизбежность и потери.
Но – мысль влетит туда, где настежь двери,
на миг изъяв «вульгарный ход вещей» –
творением мистерий!
Все будет – чересчур! И – в перехлест!
Над бездной – мост мазнула кисть Ван Гога...
Я рефлексирую под взглядом звезд,
а, может, – и под взглядом Бога?..

Эдвард Мунк. «Полуночник».
Автопортрет. 1923-24 гг.

Максим Жарницкий**Памяти отца Александра Меня**

1

Ты знака ждал – он страшен, как чума...
Теперь постиг ты цену понимания?
Да, впереди смертельная игра,
В которой кубок – чаша расставанья.

Когда бы живы и отец, и мать, –
И им войти частицей в эту меру,
В цепочку, что придется оборвать,
Но напитать их жизнью твою веру.

Вот так, поодиночке, в океан
По шею погружаясь благодатно –
Для каждого открытие новых стран
Искуплено страстями безвозвратно.

2

Не на кафедру гордо,
Но за парту – писать,
Чтоб гудела аорта,
Ближе к сердцу тетрадь.

Пропись высшего сорта,
Но простые слова,
Где на зернах восторга
Грани зла и добра.

Навык чистого сердца,
Труд усталой души
Должен твердью облечься,
Преподавать не спеша.

Но звонок неминуем,
Ибо время пришло.
Явлен знак поцелуем,
Чудным, как волшебство.

Из-за парты, учитель! –
Время твердой еды.
Ты не сам, но Спаситель
Указал час беды.

Что ж, все ясно с полслова.
Ты всегда был готов.
Это вечное право –
Символ первооснов –

Самого себя в жертву,
Как тогда, в первый раз...
Слезы в третью щеку,
Праздник, праздник у нас!

Ну, так что же так горько
В этот радостный час?
Был учитель – и только,
И молился за нас.

3

Сколько надо резать,
Сколько надо распять,
Чтоб не сто и не десять –
Мир любовью объять?

Так, врываясь в квартиры,
Шла по городу весть
О несбывшемся мире –
Вера, совесть и честь...

Вспоминали, отпели,
И забыли – опять?
Помянули и снова
На своем настоять?

Так откуда же эти,
Как в степи, образа,
Лица, полные света,
И в сиянье глаза?

Неприступное царство,
Торжествующий свет...
На крови Александра
Помни Новый Завет!

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Роза Адамянц, Владимир Ерохин,
Ольга Ерохина, Александр Зорин, Александр Кремлёв,
Ольга Лашкова, Ирина Языкова
Редактор выпуска: Владимир Грудский

Дизайн и компьютерная верстка: Татьяна Корыгина
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2
Тел.: +7 (495) 935-09-72; +7 (903) 287-14-40
e-mail: vsemenovich@yandex.ru или irinayazykova@yandex.ru
с указанием темы письма: «Для "Приходской Газеты"»